

Хроника

Бозов

Кхерох

16+

Кхерох

Хроника Богов: Мертвое Царство

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кхерох

Хроника Богов: Мертвое Царство / Кхерох — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Нетленная летопись поведаёт о множестве судеб, втянутых в кровопролитную войну богов и демонов, вновь возжелавших мирового господства. Равновесие миров нарушено внезапным нападением асуров на Лимб и захватом власти в царстве. Поднебесным богам, во главе с Коэлусом, предстоит вернуть покой мирам и одолеть детей Тьмы, отомстив за всех павших, но задача не из легких, ведь во власти короля демонов не только тысячи людских душ, плененных в стенах Ада, а реликвия Земли, дарующая бессмертие и безграничное могущество! Он не собирается останавливаться на начатом, направляя орды могущественных убийц захватывать миры! Сумеет ли мудрый правитель Поднебесья придумать, как победить в этой безжалостной войне и отомстить за смерть брата? Или же в этот раз боги потерпят от заклятых врагов болезненное поражение, обрекая миры на гнёт чернокровных чудовищ?

© Кхерох, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Путь Святого	13
Падение Лимба	23
Сделка Мериса	32
Долина Забвения	39
Нева и Гефай	46
История Молотоборца	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Предисловие

До создания мира, средь мрака пустого
Бродит Бог, что не ведает света дневного,
Бесконечно по черному миру блуждает,
А вокруг божества свет прекрасный мерцает;

Он использовал этот таинственный свет,
Чтоб создать сотни звезд и далеких планет,
Но для светлого Бога кремешная тьма,
Словно вечная пытка, лихая тюрьма.

Создал Землю и Небо и жизнь в них вдохнул,
Но во тьме безграничной навек утонул.
Родились затем воды, и сушу пленили,
И почти все просторы земли охватили.

Всё наполнили света частицы от Бога,
Чтоб открылась для жизни на Землю дорога.
Руки Бога-Творца ко всему прикоснулись:
Все воскресли, как будто от ночи проснулись.

Но была злая Тьма против мира всего:
Не должно в пустоте больше быть ничего.
Породила четверку солдат-сыновей,
Чтоб навек уничтожить оживших людей.

Смерть на черном коне люд рубила косою,
А Война, где была, там чинила разбой;
Голод только и делал, что всё иссушал,
А Чума на живое недуг насылал.

Но святая Земля, что богиней была,
Сыновей для защиты людей создала.
И титаны, родившись от силы земной,
Защищая своё, дали всадникам бой.

И сказала она, что нельзя их убить:
Бесполезно сжигать, и топить, и рубить,
Ведь из плоти земной создались-родились,
В мир великий из темных глубин поднялись.

Исцеляя мгновенно раненья любые,
Породились бойцы бесконечно живые,
Ведь в глубинах земных обрели они мощь
И теперь своей матери смогут помочь.

В глубине подземелья неистовой силой

Мать Святая Земля сыновей наделила.
Окружили врагов, заточили в горах -
Тирания квартета рассыпалась в прах.

Обратилась Эпоха Хаоса в небыль,
От минувших порядков осталась лишь пыль,
У Земли, Божьей Матери, было виденье:
Захватили титаны над миром правленье.

Но признать поражение Тьма не могла,
Мир Чудовищ Асуров она создала.
Там на землях пустынных томились, страдали,
И ненависть в сердцах тех чудовищ пылала.

Стал Верховный Титан править миром людей,
Изменил всё вокруг, было много идей,
Но потребовал жертву от люда простого
И разгневал тем Землю святую премного.

Среди смертных избрал он прекрасную деву:
Превратил Гелерону в свою королеву,
Родила для Сакрона она сыновей,
Повелителей новых, троих королей.

Но сказала в тот день Мать-Земля Гелероне,
Что повергнут те дети титана Сакрона,
Что разрушат все вместе святую обитель...
И услышал слова те Верховный Правитель.

В сердце старшего – лишь справедливость горит,
Имя этого бога – Великий Аид.
Но боялся Сакрон его будущих сил,
И ребенка под землю Титан заточил.

Он томился во мраке, как будто без глаз,
Ведь таков был тирана Сакрона приказ.
Нет свободы Аиду, нет Солнца лучей,
Не видать ему братьев и мамы своей.

Сын Коэлус, второй, дух спокойный обрел,
По приказу отца его выкрал орел,
Сына в горы принёс, облаками закрыл,
И страдал, и кричал из последних он сил.

Всё смотрел в даль морей младший сын Посейдон
И отцом был в глубинах воды утоплен,
Много лет он провел в толще мрака морского,
Но нашел старый стражник его молодого.

Был Великий Хранитель глубоких морей,
Первый сын Океана, Владыка Нерей.
Вместо ног – рыбий хвост, глаз зеленых сиянье,
Он извечно хранил Океана дыханье:

Жил в Эпоху Хаоса, хранил семь морей,
Воспитал сто отважных солдат-сыновей.
Амфитрита, Нерея прекрасная дочь,
Чем могла, тем всегда им пыталась помочь.

Посейдона призвание – свергнуть отца,
Он трудился для этого в поте лица:
Стал сильнее любого атланта, титана,
Был готов он теперь с трона свергнуть тирана.

И по просьбе Нерея кузнец Фасетой
Создал богу для битвы Тризуб золотой,
А внутри, словно радуга, – водный кристалл,
Что всю силу морей в свои грани вобрал.

В этот камень Нерей свою власть заточил,
Посейдона в Отца Всех Морей обратил.
Но иссяк в то мгновенье, как власти лишился,
Поседел, побледнел и в воде растворился.

Ведь давно уже служит на море седой,
Час настал старику обрести свой покой,
Он в наследника верил и сыном назвал,
Сыновей, свое войско, пред смертью призвал.

Смерть Нерея дня них – величайшее горе,
слезы сотни солдат окропили дно моря,
И наполнила воду соль скорби со слез,
Как Нерей перешел в мир покоя и грез.

Но деянья не ждут, время боя грядет,
Перемены великой весь мир долго ждет.
Собирал Посейдон свое войско к Сакрону,
Чтоб забрать его власть и златую корону.

А Коэлуса жизнь угасала в горах:
Нет надежды нигде, страх в глазах и слезах.
Как убийца-орел там оставил его,
Для спасенья Коэлус не ждал никого.

Полумертвый уже сын титана лежит,
Он физически слаб и морально убит,
Но пришла наконец к нему девица эта,
И явилась она, словно снег среди лета.

Вместо рук – птичьи крылья, как сказка живая,
Но для гарпий других – она будто чужая,
Ведь не чужды эмоции добрые ей,
И улыбка, как будто у смертных людей.

Исцелила его, залечила раненья,
Благодарен Коэлус за жизни спасенье,
Познакомила бога с Дионом Зафира,
Как узнала, что он – сын правителя мира.

Жил в Столетнем Лесу седовлас тролль Дион,
Был умнее других и талантливей он,
С давних пор все смотрел на погоды причуды,
Изучал и однажды создал сам он чудо.

Дикой молнии жар он сумел приручить,
В аметистовый камень ее заточить,
С этим камнем он стал повелителем грома,
Но был жителем леса, защитником дома.

Он признал, что Коэлусу камень нужнее,
Ведь спасение мира гораздо важнее.
И разбил аметист, что всю силу держал,
Чтоб Коэлус всю ненависть неба вобрал.

Засияли неистойой искрой глаза,
Поднялась в небеса на мгновенье гроза,
Мошь небес бог почувствовал в теле своем,
И, о землю ударив, взревел дикий гром.

А Аид под землей, словно старец слепой,
Не способен уже шевельнуть и ногой.
Но виднеется свет, как от солнца, вдали,
Ведь нашли его древние дети Земли.

Те циклопами названы, братья титанов,
Но сокрыты в земле по приказу тирана.
Своих братьев боялся правитель Сакрон,
Так как каждый циклоп безгранично силен.

Но не страх стал причиной для их заточенья,
Власть Сакрона предали циклопы сомнению:
Мало было владыке просторов земных,
Царевать он мечтал в измереньях иных.

И повел свое войско в небесную высь:
Опасенья владыки циклопов сбылись:
Он предвидел, что царство циклопов в бою

Потеряет навеки свободу свою,

Что, направившись в бой, все погибнут тотчас,
Был не глупым Владыка циклопов Гифаз,
Отказался сражаться с врагами извне,
С небожителей расой в столетней войне.

Не желает напрасно никто погибать,
Жизнь неистовой мощи врагу отдавать,
Но не слушал Гифаза правитель Сакрон,
Жаждой власти над небом он был ослеплен.

Целомудрие брата изменой назвал
И Гифаза навек под скалой заковал.
Там томился циклопов великий пророк,
Сотню лет цепи рвал, но принял он свой рок,

Не хватает Сакрону-владыке того,
Что остался народ без царя своего:
Его племя в земные глубины сослал,
Но в войне поражения вкус он познал.

О циклопах с тех пор целый мир позабыл,
Род циклопов среди выживших мифом прослыл.
Но они не мертвы, их народ в глубине
Был готов к жесточайшей с титаном войне.

Как с Аидом Сакрон поступил, разузнали
И помочь побратиму по горю желали.
Сферу Власти Земли дали юному богу
И наверх показали Аиду дорогу.

За тюрьму под землей королю отомстить
Молодому Аиду еще предстоит;
Встретил братьев, Коэлуса и Посейдона,
И отправились в битву за власть и корону.

Но Сакрон в гнев пришел, о восстании узнав,
И титанов народ всего мира призвал.
Приказал нападать на его сыновей,
На защиту богов встали стражи морей.

Посейдона прислужники в битву вступили,
За богов свою кровь и циклопы пролили,
Но бессмертны враги, их никак не убить,
Бесполезно и жечь, и топить, и рубить.

Погибали циклопы один за другим,
Побежал в бой Коэлус, а братья за ним.

И сцепились с Сакроном в смертельном бою,
Власть и страх поражения делили семью.

Трое братьев всей силой титанов разили,
Те бессмертны, ведь дар от Земли получили,
Но богам Мать-Земля помогла победить,
Подказала троим, как титанов разбить.

Создала для титанов ущелье-тюрьму,
С бездны той не сбежать никогда никому.
Своей силой божественной дети Сакрона
Заточили титанов и свергли их с трона.

Наступила победа, титаны разбиты,
Но цена у побед – реки крови пролитой,
А эпоха Титанов к концу подошла,
Их священную силу Земля забрала.

Поделили боги мир земной на три части,
Каждый брат в королевстве своем стал при власти.
«Мне роднее Земля» – молвил старший среди них,
Как сказал это он, каждый в мире затих.

«Буду мертвые души судить и хранить,
Дам всем людям умершим, где вечность прожить»
– Он сказал и в земные глубины ушел,
Где на троне покой и свободу обрел.

Мудрый бог, что Аидом был назван с рожденья,
Начал в мире умерших, на Лимбе, правленье.
Он искал среди людей, что покинули тело,
Самых честных и чистых для помощи делу.

Самым первым среди них был безглазый Дестон,
Добровольно был зренья навеки лишен,
Он остался слепым, чтоб не видеть людей,
Без грехов был всегда до конца своих дней.

И весы подарил ему Лимба владыка,
чтоб обрел равновесия силу велику.
Помогал он судить все деянья людей,
На весах измерял все дела былых дней.

А вторым стал отшельник, душой обделен,
Тот, что чуждый всем людям, старик Гердеон.
Был всю жизнь, словно тень, так и умер никем,
Избегал он людей и остался ни с чем.

Тьма явилась ему, в дар клинок принесла,

В нем ненависть и зависть людей ожила:
Тот воскреснет, как тень, кто падет от клинка;
Станет строгим законом владыки рука.

Гердеон искушенью не дал победить,
Не позволил себе каплю крови пролить.
Но как умер, то жизнь для него началась,
Стал он Богом, мечта Гердеона сбылась:

Стал людей он судить, как судили его,
Осуждал всех из них, не щадил никого.
Тех, кто грешен душой обращал он в тени,
И свободы лишал до конца вечных дней.

Третьей стала Камира, что правдой жила,
К сожалению, рано она умерла.
Но по смерти оставила тысячи дел;
Не считая ее, так никто не сумел.

Стала третьей судьей, что людей берегла,
Даже грешных хранила, судьбу их спасла.
Гердеону перечила, ссорилась с ним,
Он бездушен и чёрств, будто ночь нелюдим.

А Коэлус Небесный, верховный владыка,
Повелитель всего в этом мире великом.
Он поднялся на небо, на трон с облаков,
И женился на Неве, владычице снов.

Дочь титана Милона, прекрасная Нева,
Для Коэлуса стала его королевой,
Силу снов, словно дар, от небес обрела,
Но боялась отца, как рабыня жила.

После краха титанов, победы богов,
От отцовских избавилась страшных оков,
Вместе с мужем взошла на престол, в небеса,
За отцом не сронила у Невы слеза.

Посейдон, третий брат в океан погрузился,
С Амфитритой, царицей подводной, сроднился,
И возвёл в глубине океана дворец,
Для народа морей дом создал, наконец.

Царь Коэлус богов всего мира призвал,
В Поднебесное Царство свое их принял;
Трое братьев над миром возглавили власть,
Чтоб не дать снова миру без жизни упасть.

С тех древнейших времен сто столетий прошло,
Время то для людей измененья несло,
Постарели боги, новых сил обрели
И порядок для мира сего навели.

Путь Святого

Жил средь людей Лайонель не святой:
Не воин, не царь, не злодей, не герой,
Всю жизнь посвятил он работе-труду,
Все молча сидел, рыб ловил на пруду.

Людей избегал, но всегда помогал,
А через столетье навеки пропал...
В глазах помутилось, и веки сомкнулись,
Лайонеля сознание во тьму окунулось.

Мертвое тело бросает душа
И отправляется в Лимб не спеша:
Бродит по миру, ищет спасенья,
Вдруг Лайонелю явилось виденье.

Пришел к нему Мерис, души проводник,
Он в Лимб доправлять мертвых телом привык,
Явился Бог Мерис в белейшем хитоне,
А на голове – золотая корона.

«Кем будешь?» – спросил мертвый старец несмело,
Он не понимал до конца, в чем же дело.
«Врагом назовешься, иль будешь мне друг?»
– Свою речь вел дальше растерянный дух.

«Меня зовут Мерис, души проводник.
Сочувствую, ты уже умер, старик.
Вот, на берегу твое тело лежит,
Судьбу твою нынче Суд Мертвых решит...»

Спросил Лайонель, свое тело узнав:
«Иль это все сон, иль это все явь?»
Не веровал мудрый, что час тот настал,
Что, тело покинув, душой мертвой стал.

«Со мной ты пройдешь, в Лимб доправлю тебя» -
Ответил бог Мерис, ничуть не скорбя,
Но добр его голос и образ лица,
Врата в Лимб открыл и забрал мудреца.

В просторах бескрайних, где солнце не светит,
А только гуляет безжизненный ветер,
Блуждают усопшие, мертвые тени,
Мудрец их увидел – упал на колени...

Глаза рыбака ужас вмиг охватил,

Но здравый рассудок мудрец не сгубил.
«Они все как я?» – вдруг спросил Лайонель,
Средь тьмы увидав толпы мертвых людей.

Подумал чуток проводник, помолчал
И истину-правду глаголить начал:
«Ты мудрый, старик, золотой человек,
Не зря ты прожил на Земле целый век,

Ты праведно жил, всем всегда помогал,
Возможно, святым бы тебя я назвал,
А тени – умершие грешные души,
Ты свой приговор для начала послушай.

Теперь к Суду Мертвых тебе только путь,
А жизнь средь живых уж никак не вернуть.
Но помни: к богам ты идешь, а не к смертным,
И, если их воля, ты будешь бессмертным.

А если рукой на тебя все махнут,
Средь грешных теней только сыщешь приют.
Движеньем руки боги судьбы решают,
Иль вечность дают, иль мечты убивают».

Вдруг откланялся Мерис, исчез вдалеке,
Лайонель попрощался, пошел налегке.
Тут явился ему новый дух сего мира -
Подопечный суда и посланник Камиры.

Кайзер имя ему, он молчлив и горяч,
И высокий, и страшный, как мертвый палач.
За плечами широкими – крылья орла,
Их богиня Камира ему создала.

Лайонель посмотрел на него снизу вверх,
Словно воин, которого демон поверг:
«Что же дальше? Я должен идти за тобой?»
Кайзер только молчал и кивнул головой.

Загорелись огнем вдруг глаза посланца,
Он взлетел и за плечи схватил мудреца.
Лайонеля в высокую башню доправил,
В одиночестве мертвую душу оставил.

«Нету выхода. Я тут останусь навек?» -
Сам спросил у себя не живой человек.
Но не знал Лайонель, что его уже ждут,
Ведь явиться он должен в Божественный Суд.

За деянья при жизни там судят людей,
От своих отвернувшись прадавних корней.
Судьи были людьми, но прошло сто веков,
Обрели они силу и облик богов.

Лайонель оглянулся, не зная пути,
Нет дорог, куда сможет теперь он пройти.
Он на месте застыл – вновь душа в тупике,
Только стены вокруг, крик теней вдалеке.

Появился пред ним вновь посланник суда,
Он за руку схватил и забрал в никуда.
Прислужник Дестона в доспехах железных
Тащил Лайонеля по башне небрежно.

Как ветер холодный, по башне полз змей,
Дух Милвус к суду доправлял всех людей,
Но был даром речи всегда обделен,
И с горла его доносился лишь стон.

Древний житель густых непроходных лесов,
Хищный изверг, лишенный морали оков,
Был страшнейшим кошмаром незваных гостей,
Настигал неизбежно пришельцев-людей.

Растворился он в чаще бессмертной тотчас,
Как в глазах новой жертвы свет солнца угас.
Его тело прозрачно, как призрака плоть,
Нет героя, чтоб чудище перебороть.

Но однажды в лесу появился Дестон,
Неизбежно на смерть был слепец обречен,
Но шипение змея в лесу услышал
И в том говоре речь он людскую узнал.

Он, не видев чудовище, душу прочел,
И разрушил легенду, что Милвус возвел:
Сущий дьявол в безмолвном лесу обитал,
Это каждый крестьянин о Милвусе знал.

Только змей не был зол, он, родившись в лесу,
Как-то раз человеку попал под косу:
Через лес шли крестьяне в деревню домой,
На пути встал им Милвус, извечный изгой.

Поседели крестьяне, увидев его,
Не желал мирный дух убивать никого,
Но поднял на него муж бывалый косу
И пролил на траву алой крови росу.

Как два Солнца в глазнице сверкали глаза,
Но осталось одно и из крови слеза.
Не предали значения духа словам,
И остался на лице его мрачный шрам.

Дух от боли взревел, как израненный зверь,
И крестьян погубил своей силой теперь.
С тех времен стал он демоном леса того,
Все поблизости люди боялись его.

Помня боль, причиненную ими тогда,
Утаился в пучине лесной навсегда,
Убивал из тени, месть на сердце держал,
Но душой одинокой любви лишь желал.

Так Дестон доброту в нем увидел без глаз,
И ненависть, в которой дух Милвус завяз.
Благодарности змея границ не сыскать:
Он решил навсегда старику помогать.

Как с родным, с ним беседовал мудрый Дестон,
Что был также любовью людей обделен,
В страшном облике старец не видел врага,
Поклонился слепцу его новый слуга.

Неразлучно по миру блуждали вдвоем
И беседы вели обо всем, ни о чем.
А, как умер старик, мир оставил живой,
В Царство Умерших вел его Мерис святой.

Но тогда еще пуст был на Лимбе простор,
Сам Аид выносил для души приговор.
И Дестона судьей для людей он избрал,
Там святые весы ему бог даровал.

А в то время дух Милвус границы миров
Одолел своей силой, лишился оков.
Он явился на Лимб, чтоб Дестону служить,
Дал Аид ему право там вечность прожить.

Так входил в стены дух, как в открытую дверь,
И готовый к суду Лайонель был теперь.
В великую комнату к судьям явился
И вежливо перед богами склонился.

По центру, на троне златом – бог Дестон,
Он мудр, справедлив, хладнокровен, умен,
Нет в мире существ, что честнее его,

Он – главный судья – не щадит никого.

Пред ним все равны: и богатый, и бедный,
Больной и здоровый, и смуглый, и бледный.
Он слеп, правосудия верный хранитель,
Весов справедливости он повелитель.

На троне из белого камня – Камира,
Одна из богов вечно мертвого мира,
Владычица правды, великая дева,
Всей истины в жизни она королева.

На каждый вопрос всегда знает ответ
И видит, где правда, а где ее нет,
Чист сердцем, кто правду всегда говорит,
А, кто только врет, тот душою скрипит.

А слева Дестона сидит Гердеон,
Людей осуждает всегда только он.
И грешников души свободы лишает,
Навек их в безвольную тень обращает.

Хотел только душу король всех теней:
И ночью, и днем он мечтал лишь о ней,
Потому на суде всех подряд осуждал,
Раба своего с нетерпением ждал.

Отыщет он грязь в капле ранней росы,
Людские грехи лишь кладет на весы.
Видит мрак душ людских даже где его нет,
Обращение в тень – вечно верный ответ.

Хоть святой человек, хоть убийца иль вор,
У владыки теней лишь один приговор;
Род теней расширяет грехами людей,
Спор с Камирой всегда расжигая сильнее.

Но теперь Лайонель пред богами предстал,
Гердеон замолчал, как его увидал,
И руки сложил бог на угольном троне,
Камира шепнула на ухо Дестону:

«У этой души ни греха позади,
Святым назову, ты – как хочешь суди».
На весы положила дела не лихие,
Гердеона глаза загорелись тут злые:

«Нет пороков у этой умершей души,
Но к святым ты его причислять не спеши...

Он бездельник, сто лет просидел у пруда,
Не оставил живым от себя и следа...

А вся жизнь его – просто бессмысленный сон...»
«Нет придраться к чему, дорогой Гердеон?»
– Вдруг спросила Камира и кинула взор
Гердеону, познал он впервые позор, -

«Он работал всю жизнь, а лентяем не был
И покорно богам кровью-потом служил».
А в ответ – тишина, вдруг утих Бог Теней,
Повернулся к богине, сказал злобно ей:

«Почему мне все время мешаешь упорно?»
«Средь теней Лайонеля не будет бесспорно! -
Вспылила Камира, махнула рукой, -
По тропе чистой правды пойдет он со мной.

Во Дворце Верховенства всю жизнь проведет,
И место слуги Царя Мертвых займет.
К Аиду-владыке, всесильному богу,
Леолас, лев крылатый, покажет дорогу».

Дестон сидел молча и слушал их спор,
На весы посмотрел, и сказал приговор:
«Лайонель словно ранняя капля росы,
Мне об этом сказали святые весы...

Заслужил быть святым, его совесть чиста,
А дуэль ваших слов – бесполезна, пуста,
Просто это признай: ты не прав, Гердеон,
Человек этот добр, справедлив и умен.

Среди смертных гуляет лишь добрая слава,
Во дворце жить имеет почетное право».
Молчаливо явился в палате, без слов,
Лев крылатый, прислужник великих богов.

Поклонился богам древний дух Леолас:
«Знаю я, что святая душа среди нас,
Близкий дух к божеству в ней столетье живет...»
Лайонель сделал шаг осторожно вперед.

К большому крылатому льву сел на спину,
Во дворец полетел Леолас к господину.
Над Царством Умерших парил дух с душой,
Смотрел на людей с неба старец седой.

А снизу умершие ходят спокойно,

Кто в мире людей час свой прожил достойно.
И каждый умерший на Лимбе так жил,
Как этого сам на Земле заслужил.

Кто в доме своем тихо скромно сидит,
Кто с шумом по улице в спешке бежит,
Кто молится Богу за мир и порядок,
А кто-то желает богатство-достаток,

Кто занят все время лишь делом любимым,
Кто делает миг каждый неповторимым,
Кто смотрит на небо, о жизни мечтая,
А кто-то из дома всегда убегает,

Кто только и ищет по жизни везенье,
Кому вновь и вновь лишь нужно вдохновенье,
Здесь кто-то смириться со смертью старался,
А кто-то сбежать с Мира Мертвых пытался.

Старик на спине Леоласа летел,
На мертвые души все время смотрел.
Они словно люди: смеются, поют,
Но на Лимбе нет войн – там мирно живут.

Парил в небесах Леолас без конца
И вот, наконец, долетел до дворца.
Дух-лев улетел, в облаках растворился,
К Лайонелю прислужник Аида явился.

В белом весь одеяны, а цепи золотые,
Ему руки обвили, как будто живые,
С гордых шрамов на теле когда-то пролита,
Кровь живая и демоном Флиром испита.

Древний демон, восставший из праха богов,
С книги магии черной и темных слогов,
Был навек из страниц, словно стих, оживлен,
Разрушительной силой творцом наделен.

Сотни лет он по миру бродил, убивал,
До тех пор, пока воин Калиф не восстал.
Взял оружие-меч и в атаку помчался,
Флир убил всех вокруг только воин остался.

День за днем, с ночи в ночь беспощадно дрались,
Словно ужасы война в жизни сбылись.
Он врага беспощадно орудьем разил,
Флир чтоб жизнь сохранить кровь Калифа испил.

Дух чудовища в тело Калифа вселился,
Флир исчез, словно дух в небесах испарился.
Только след по себе он оставил врагу:
Безвольного сделал с героя слугу.

Тот демон убитый рассеялся в прах,
А воин Калиф не стоял на ногах,
Упал на колени он, еле дыша,
И в Лимб провалилась героя душа.

Калиф одержимый вновь силы вернул,
К темной магии мира сего он прильнул.
И грешников души начал пожирать,
Прислужников божьих вокруг убивать.

Хотели убить его Боги Суда,
Запретила Камира: «Н ельзя! Никогда!
Пусть телом крушит все вокруг, убивает,
Но добрый внутри человек обитает».

И спор не решить, ведь кто прав – неизвестно,
Тут явился Коэлус верховный небесный,
И призвал кузнеца, имя Кирес ему,
Для души непокорной создал он тюрьму.

Заковал одержимого в цепи золотые,
И вернули рассудок Калифу святые.
Стал служить при дворце у Аида царя,
За спасенье души своей благодаря.

Взор глубокий пронзил Лайонеля мгновенно,
Калиф поклонился святому смиренно.
Словно тьмою покрыта его голова,
С уст холодных слетели, как птицы, слова:

«Путь лежит ваш к Аиду, верховному богу,
По дворцу проведу, покажу вам дорогу,
Чтоб новый святой королю покорился»
«Спасибо за помощь» – старик поклонился.

И молча прошли в коридорах просторных,
На пути лишь встречая святых и придворных.
В лабиринтах дворца еле двери нашли,
Наконец-то к покоям Аида пришли.

Постучался несмело, вошел Лайонель,
Ко владыке, что бог и король королей.
На троне сидел и в хандру погрузился,
Но увидел он гостя и вмиг оживился.

Лайонель в окружении белых колон
Поздоровался вежливо, сделал поклон.
Ответил Аид и на ноги поднялся,
Подошел к человеку, со смертным сровнялся.

Встретил взглядом умершего, жизнь прочитал,
С предпокоев Калифа в палату призвал:
«Я взываю к Тебе, мой прислужник покорный!»
В этот миг среди палаты явился придворный.

Пред святым мудрецом и Аидом предстал,
Лайонеля в покои святые забрал.
Оказался среди злата и пышных палат,
Где на креслах удобных святые сидят.

Все из них тут явились своею дорогой,
Не нуждаясь ни в чем после жизни убогой.
Наслаждаются временем мук окончаний,
Без работ и забот, вообще без заданий.

Лайонель сел среди них, и в роскошах тонул,
Словно время забыл и надолго уснул.
Те, кто были при жизни святыми, прогнали,
О деле благом навсегда позабыли.

Много лет пролетело пером в небесах,
Искра правды и чести исчезла в глазах.
Тот кто жил, как святой, окунулся во мрак,
А вернуться к началу не выйдет никак.

И спросил тут святой: «что случилось со мной?
Наделен ли я жизнью загробной иной?
Что успел сотворить до своей смерти я?
Заслужил этих благ до конца бытия?

И следа не оставил за десять декад,
Я всего лишь река, моя жизнь – водопад...»
И, подумав немного, добавил мудрец:
«Я не жив и не мертв. Наступил мой конец.

Не могу я принять эту жизнь, этот дар,
Я уже не река, лишь невидимый пар.
И к теньям, что бессмысленно день доживают,
Пусть меня Гердеон навсегда забирает...»

Тут явился ему посланец из суда:
«Не уйдешь ты отсюда уже никогда.
Ведь решил Суд Богов, что твое место здесь,

Так сказали они, значит так это есть».

«Я святой разве нет?!» – Лайонель закричал,
Ожидал он ответ, но посланник молчал.
«Заслужил за сто лет свою радость земную?
Жизнь хочу среди людей не святую, простую...»

Провели Лайонеля обратно на суд,
«Дайте смертной душе просто жизни уют.
Не хочу всего этого, грязного злата,
Не нужна мне просторная эта палата!

Я простой человек, не владыка-король,
В этой жизни уже я сыграл свою роль».
И сказал Гердеон: «не противься судьбе,
Ведь в покоях дворца суждено жить тебе».

«Разрешите мне жить среди обычных людей»
– Лишь сказал и умолк в тот же миг Лайонель.
Возразили боги, ведь решение есть,
И нельзя опускать их судебную честь.

Но Дестон, правосудья слепого служитель,
Равновесия бог и весов покровитель,
Положил божье слово на чашу пустую,
Лайонеля поставил на чашу вторую.

И желанье святого превысило бога,
Мудрецу к престолюду открыта дорога.
Так ушел он из башни к умершим простым,
Поздоровались люди со старцем седым.

Поприветствовал их Лайонель, поклонился,
И с народом своим вновь воссоединился.
Встретил сотни людей, что при жизни встречал,
Не забыл никого, благодарных узнал.

Поменялся старик, пролетели года
Он теперь в этом мире с людьми навсегда.
Благодать наступила, он радость обрел,
Стал как лев благородный, свободный орел.

Падение Лимба

Жизнь в Мире Умерших бушует, кипит,
А правит тем миром Великий Аид,
Он держит свое королевство в достатке,
На Лимбе все время следит за порядком,

Стоит над Божественным Высшим Судом
И смотрит, чтоб было все честно на нем.
Дворец короля населяют святые,
Не встретят его те, кто духом кривые.

Все время на троне Аид восседает,
А мысли его в выси неба летают.
При дворе служат тут божества честью-правдой,
Долг священный всегда выполняют исправно.

Проходили те души своими путями,
Но связались их судьбы на Лимбе узлами.
Во дворце короля их скрестились дороги,
Честь подобная людям дается не многим.

Гордый лев Леолас жил средь чистого поля,
Не повергнут никем, защищал свою волю,
Но Аид златогривого льва приручил,
Зверя крыльями сокола он одарил.

А Калиф человеком на свете родился,
Жил, как воин простой, но с чудовищем слился,
И убить его боги Суда возжелали,
Но с Аидом царем все же спорить не стали.

Был спасен от убийства, в цепях заточен
И на службу средь Лимба навек обречен.
Так и жил во дворце, провожая святых,
Отрабатывал долг средь уже не живых.

Также жил во дворце красный шут, словно с басни,
Он на дудке играл, каждый звук был прекрасным,
И танцует, поет, в диалоге острит,
С ним всегда был веселым владыка Аид.

На лице пусть улыбка сияла всегда,
Но веселым и добрым не был никогда,
А все мысли его – словно тьмы пелена,
Назывался зловеще тот шут – Сатана.

Кровь акум протекала внутри его жил,

Сотни лет среди Мира Асуров прожил,
Был наследником демонов древнего рода,
Но повергли арум, и ушла их свобода.

Время в мире чудовищ тянулось смолой,
Окунулись в жестокость они с головой,
И, не зная покоя, блуждали во тьме,
В своем царстве пустом, в бесконечной тюрьме.

В темноте, обреченные вечно страдать,
Обучились они одному – воевать.
Касты демонов здешних и их племена
Убивали друг друга, горела война.

Двадцать восемь племен за орудья взялись,
Реки угольной крови асуров лились.
В неба высь поднялись и мечи, и секиры,
Грохотали бои на окраине мира.

Убивали асуры без скорби и слов,
На штыках поднимали убитых врагов,
Против братьев кинжалы точили острей,
После битв оставляли лишь груды костей.

Отправлялись на смерть без сомнения в бой,
Сотни павших врагов забирая с собой,
Только битвой умели чудовища жить,
Не могли свои споры иначе решить.

Сотни лет продолжалась асуров война,
Чашу жизни до дна иссушила она,
Только вождь Белиал, темной силы творец,
Подчинив племена, положил ей конец.

Силой Матери Тьмы овладел Белиал,
Он всю жизнь Темной Библии строки читал.
И прозрения свет его ум озарил,
Он из бездны Дыхание Мрака испил.

Из асуров той мощи не ведал никто,
Но поднялся король Белиал на плато.
Он в разгаре сражения создал звезду,
Подчинил своей воле асуров орду.

Свет вознесся на небо, связав племена,
И окончилась тут же асуров война.
Изучали чудовища Черный Закон,
С темной магией стал род асуров силен.

Созидать научились и холод и жар,
Стал неистовства полон асуров удар.
И во мрачном тумане они увидали,
Как другие мира с каждым днем расцветали.

Пожелали с богами стоять наравне,
Разрушать, убивать и топить мир в огне,
Воевать, как написано в тёмном псалме,
Но закрыты асуры в извечной тюрьме.

Белиала дитя, пробужденное мглой,
Что дарила царю его вечный покой,
Через много веков заняло его трон,
Чтоб пройти сквозь пространство и ткани времен.

То дитя величал Белиал Сатаной:
«Поведеет он асуров народ за собой,
Подчинит своей воле иные миры...» -
С нетерпеньем отец ожидал той поры.

И достиг своего новый темный король -
Получили асуры пространства контроль.
Создали с темной силы и крови портал,
Что границы миров своей мощью стирал.

Ликовал весь народ во главе с Сатаной,
И готовилось войско отправиться в бой.
Распахнули врата, что миры разделяли
И на Царство Умерших все вместе напали:

Полз огонь по земле, все сжигая вокруг,
От людей и теней до божественных слуг.
Беспощадны асуры, их мощь велика,
Разрушенья несла тех чудовищ рука.

Бог Аид своей силой врагов убивал,
Но не в силах спастись от асурских навал...
Как повержен был Лимб, кроме Высшего Бога,
Поднебесья жильцы вдруг пришли на подмогу.

Во главе их – Коэлус, Верховный Правитель,
Для защиты покинул родную обитель,
Ведь Аид, его брат, сын титана Сакрона,
Жизнь помог сохранить и подняться до трона.

Объявили чудовища Лимбу войну,
И правление над миром было на кону.
Но Коэлус врагов своим громом разил,
В битве той и Аид не жалел своих сил.

Сотни трупов асуров уже за спиной,
Тут скрестили мечи бог Аид с Сатаной.
Силы больше у сына титана Сакрона,
Сбил мгновенно с главы Сатаны он корону.

Поражение в битве – великий позор,
Кинул Бог свысока на врага строгий взор.
Войско демонов тут же вернулось домой,
Думал долго, что делать, Аид, с Сатаной.

Опозорил его – своим сделал шутом,
Вышел враг в одеяньи своем золотом.
Веселил короля, но, позором покрыт,
По покоям своим средь асуров скорбит.

Вот однажды, когда спал Аид-повелитель,
Тихо влез Сатана во святую обитель
И украл у Аида Всевластия Шар,
С ним не страшен и молнии ясной удар.

И реликвии той ему сила открылась,
Тут мечта о возмездии в явь обратилась.
Сатана сжал кулак и Аида убил,
Словно острый клинок, сердце бога пронзил.

Сатана засмеялся – победа его,
Не оставит в живых он теперь никого.
Пусть запомнится имя его всем богам,
Охладевшее тело упало к ногам.

Вдруг врата, что миры разделяли, открылись,
И чудовища-демоны в Лимбе явились.
Сатана вновь надел золотую корону,
Оседлал Милиафа, убийцу-дракона.

Парит он над Лимбом, дотла все сжигает,
А выживших демоны вмиг добивают.
На защиту отправил теней Гердеон,
Но убил их безжалостно демон-дракон.

Тени грешных в огне обращались в золу,
Уходили их души в асурскую мглу.
Становились чудовища только сильнее,
Поглощая уведшие души людей.

Кайзер пламя размахами крыльев гасил,
Дом спасая родной, не жалел своих сил.
Наблюдая, как царство пылает огнем,

Вспомнил верный Камиры слуга о былом:

Он явился на суд после смерти в огне,
И сказала Камира: «Ты нравишься мне,
Не безгрешен, но жил и за веру страдал,
А в час смерти на миг ты в аду побывал».

Сам судьбы своей был он умелый кузнец,
Не святой, но за правду был ярый борец.
Так и умер, за веру сражаясь свою.
«Я погиб, как и жил, так пред вами стою»

– Молвил Кайзер богам на суде и умолк,
Сразу знали они, что с него будет толк.
Хоть не видел Дестон, кто стоит перед ним,
Испытал: человек с сильным духом сравним.

Будто вовсе не мертв, излучает он свет,
Ни к теням, ни к умершим пути ему нет.
Но святым быть не может – грехи на плечах,
Пусть теряются в света живого лучах.

Будет Кайзер навеки свободы лишен,
Если в Лимба стенах будет он заточен.
Боги-судьи решили его одарить,
В мир небесных высот вольный дух отпустить.

Окрыленный душой тут же крылья обрел,
Стал свободен, как в небе бескрайнем орел.
Но не жаждал он неба и Солнца вдали,
Не нужно ему море, просторы земли:

«Раз на Лимб меня вел долгий жизненный путь,
Не имею я права с дороги свернуть,
Здесь судьба мне остаться сулила давно,
Может правде служить мне и здесь суждено?»

С той поры Кайзер служит Камире святой,
За нее и за Царство стоит он стеной.
И теперь тушит пламя жестоких врагов,
Гнев которых вернулся из праха веков.

А Камира спасала Дестона слепого,
Проводила к вратам, показала дорогу.
Только Мерис сумел от врагов убежать,
Он открытыми должен врата удержать.

Спас Камиру, Дестона, и к небу провел,
В Поднебесье они – проводник не подвел.

Возвратиться назад уж нельзя никогда,
Ведь разрушили демоны Лимб навсегда.

Гердеона повергли за армией вслед,
Но счастливым он умер – сдержал свой обет,
Ведь Камира с Дестоном покинули Лимб:
«Они живы остались – не зря я погиб...»

Леолас же святых от пожара спасал,
Во дворце, где жестокий дракон бушевал,
Он в неравном сражении стоял до конца,
Чтоб сумели святые сбежать со дворца.

Но не в силах герой в том бою победить,
Только тщетно пытался дракона убить,
В плоть стальную вгрызался, ломая клыки,
Но повержен он был от асура руки:

Сатана из портала вдруг вынул копьё:
«Я проткну им великое сердце твое,
Оборву твою жизнь за мгновение одно,
Победить ты не сможешь в бою все равно.

Станет быстрая смерть моим даром тебе,
Будь за это вовек благодарен судьбе».
Но тирана отвлек звон мечей позади,
Не угас тот огонь у героя в груди:

Ведь Калиф за всех павших хотел отомстить,
Возжелал Сатану обезглавить, убить.
Взял оружие меч, щитом тело закрыл,
В бой помчался, и сотню чудовищ убил.

На Калифа асуров навалы ползут,
Но сражается воин – асуры падут.
Подлетел к нему лев, что в бою не упал,
И свободного духом Калиф оседлал.

На спине Леоласа продолжил он бой
И прислужников Лимба повел за собой.
Разгорелось сражение за царство опять,
Божества не желали свой дом отдавать.

С Милиафом схлестнулся в бою Леолас,
Сатана для него дар от смерти припас:
Обратилось в секиру орудье его,
Сатана все достигнуть желал своего.

Милиаф Леоласа крыло прокусил,

Кровь бесстрашного воина Лимба пролил,
И сразила секира крылатого льва,
Прочь из плеч полетела к земле голова.

Пал на землю Калиф, он по другу скорбил,
Но сражение не ждет, он опять полон сил.
А враги без конца из портала идут,
Земли Лимба они темным пламенем жгут.

Тут Калиф закричал: «Нет прощения им!»
И продолжил рубить их орудьем своим,
Но исчерпаны силы, и ноги подводят,
И сознание медленно с тела уходит.

Вдруг упал на колени, оперся на меч,
Дал ему Сатана своей кровью истечь.
А затем создал бездну, великий разлом,
И столкнул Милиаф вниз Калифа крылом.

А в то время асуры схватили врагов,
И распяли в руинах без скорби и слов,
Принесли эликсир, что чернее ночей,
Чтоб наполнить богов черной кровью своей.

Кайзер духу чужому противиться стал,
Он сражаться за царство и дальше желал,
Только схвачен, повержен, унижен герой,
На массивном кресте вниз висит головой.

Тьма по жилам ползет, вытесняя с крови
Память жизни людской о добре и любви,
Забывается гнев на асуров-врагов,
Лезут когти из пальцев, острее клинков.

Покрывается тело густой чешуей,
И рождается демон, закрытый броней.
Он теряет контроль и зажегшись огнем,
Утопает во мраке, теряется в нем.

Как драконьи, те крылья его за спиной,
Обратился в ужасного зверя герой.
От свободного духом остался лишь прах,
Утекает, как память в забытых словах.

Милвус, тьму поглотив, озверел в тот же час,
Свет последнего солнца в глазнице угас,
И со вспышкой там мрака звезда родилась,
Черным светом и взглядом недобрым зажглась.

Змей озлобился, вспомнил все пытки людей,
Одержимым он стал жадой мести своей.
С его призрачной плотью доспехи срослись,
Боги Лимба желанию тьмы поддались.

Не осталось богов, что хранили здесь мир,
Начинается демонов праздничный пир,
И пронзила вдруг радость царя Сатану:
Он на Лимбе владыка, ведь выиграл войну.

В Мире Мертвых забытом, сожженном пожаром,
Упавшем под силой асурских ударов,
Создал Ад Сатана – мир страданий людей,
Сделал город великий столицей своей:

Мидиан из руин за мгновенье возник,
Здесь в лохмотьях спасения ищет старик.
Он последний, кто выжил из сотни святых,
Не хотел оставаться среди гор золотых.

Убивали асуры безгрешных людей,
Ведь могущество душ мощи мрака сильнее.
Поглощали их силу святую они,
Черных звезд зажигали в руинах огни.

Хоть усталость и скорбь у него на лице,
Ведь разруха настала в Аида дворце,
Было выжить святому в Аду суждено,
Лайонель жил среди люда простого давно.

Избежал он гибели в страшном бою,
Защитил от забвения душу свою,
И, одним из простых небезгрешных людей,
Ждал теперь он гибели страшной своей.

Но чудовища жизни людей берегли,
И кристаллы могущества здесь создали.
Забирали те камни душевную мощь,
Здесь никто больше людям не в силах помочь.

Все горит в мертвом мире, страдают жильцы,
Но к вратам в адский двор все идут мертвецы,
Воспылала столица в Аду, Мидиан,
Сел на трон наконец-то диктатор-тиран.

Взял на службу квартет, что в бою не знал равных,
Эти воины живы еще с времен давних,
Раньше были богами древнее Аида,
Но их время прошло, а их слава забыта...

До рожденья Сакрона, в Хаоса Эпоху,
Они правили миром до последнего вдоха,
Повелители тьмы и убийцы людей
Скачут на лошадях, ищут битвы своей.

Но титаны повергли квартет своей силой,
И вернули покой Земле-матери милой.
Их закрыли горами, как камня стена,
Подарил им свободу Король Сатана.

Бороздят вновь просторы но мир их иной,
Породнились убийцы с царем Сатаной.
Скоро Черное Солнце над Адом взойдет,
Лишь Умершее Царство спасения ждет.

Сделка Мериса

Умершее царство пылает в огне,
Летит зла правитель на черном коне,
Владенья обходит свои и смеется:
«Прекрасно умершим среди Ада живется».

Тем временем Мерис, души проводник,
В покоях Коэлуca бога возник,
Камиру, Дестона слепого доставил,
И выйдя за двери одних их оставил.

От демонов страшных, восставших с былин,
Они, еле живы, бежали с руин,
Огнем обожженные падали с ног,
Им лекарь небесный не сгинуть помог.

Его величали Целитель Дефрод,
Владыкой он был для святых древних вод.
В древний час он блуждал на просторах земных,
Вод источник нашел всемогущих, святых.

Тот источник хранила Аквея всегда,
Стороной обходила края те беда.
Дух целебной воды, та владыка чудес,
Была доброй и светлой, как дочка Небес.

А Дефрод, о тех водах с легенды узнав,
Захотел жизнь спасти от титанов орав.
С силой вод мог он братьев своих исцелить,
Только надо им воду святую испить.

Сказка древних гласила, что жизни вода
От вершин до низов протекает всегда,
Там где горы черпают небесный покров,
Своей пикой пронзают тела облаков,

Где слезу небожитель однажды пролил,
Там рождаются воды целительных сил.
Получить их Дефрод всей душой пожелал,
Ведь Сетар, его друг, в день со дня иссякал.

Он прибыл к древним водам, как грянула ночь,
Дух Аквея Дефроду желала помочь,
Но вода исцеления силу несет
Лишь в тот миг, как из выси небесной падет.

Чтоб Дефроду помочь его друга спасти,

Испытанье Аквея сказала пройти:
«Коль достоин и умысел чист, как хрусталь,
Если воля твоя – закаленная сталь,

Одарю тебя силой живых исцелять,
Ведь надежду смогу на тебя возлагать,
А коль врешь ты о светлых желаньях своих,
Позабочусь, чтоб голос твой мертвым утих».

Не сломался Дефрод, его разум был чист,
Он усердно шел к цели, хоть путь был тернист.
Шаг последний – Аквеи проверку пройти,
Вдоль реки на небесную гору взойти.

На вершине не был ни один из живых,
Не добился источников водных святых.
Отторгала гора тех, что духом темны,
Вниз летели и днем, и при свете луны.

Но Дефрод побратимов желал уберечь,
И последний рубеж он сумел пересечь.
Удивилась Аквея – он первый такой,
Источников водных великий герой.

Свое слово сдержала хранитель тех вод,
Получил их могущество юный Дефрод.
Лишь коснулась Аквея рукой его лба,
Отпечатались водного знаки герба.

«Вод источник не здесь, его сила во мне,
Он в далеких душевных глубинах, на дне.
И теперь сердце вод исцеляющей силы,
Я печатью бессмертной тебе подарила».

Сын титана с печатью воды на лице
Лучшим лекарем стал в Поднебесном Дворце.
Так веками собратьев по крови лечил,
В королевстве Коэлуса благо творил.

Как явилась Камира к нему и Дестон,
Начал дело свое среди небесных колон.
Всесильные воды богов исцелили,
В тот миг, как их капли тела окропили.

Вернулось к Камире сознание ее,
И вспомнила тут же про горе свое:
Бессмертный владыка всех грешных теней,
Гердеон до конца всегда рядом был с ней.

«Гердеон, ну зачем ты погиб среди огня?
На кого в смутный час ты оставил меня?
– Закричала богиня, роняя из глаз
Слезы чистые, светлые, словно алмаз.

– Будь же проклят, убийца, асуров король!
Пусть найдет тебя смерть, пусть несет тебе боль!
Больше жизнь не мила, я осталась одна,
Пусть ответит сполна за террор Сатана...»

Слезы падали вниз, разлетаясь по миру,
На колени упала богиня Камира.
Затуманен рассудок и воля разбита,
Ее скорбь охватила за братьев убитых.

А в то время в столице огня и меча,
Там, где пламя и кровь, и земля горяча,
Все ликует асуров бесчестный народ,
Солнце мрака все ждет свой над Адом восход.

Род асуров пополнили слуги богов,
Что лишились навеки морали оков,
Их жестокая сущность восстала с глубин,
Побороть сердце тьмы не сумел ни один.

А про смерти на Лимбе Коэлус узнал
И воинов светлых в мир мертвых послал.
Помнил он, что асуры не ровня богам,
Не поддастся величие божье врагам.

Сам правитель небесный по брату скорбит,
Он в раздумиях темных на троне сидит:
«Пал Аид и от Лимба остался лишь прах,
Равновесье миров не стоит на ногах,

Души мертвых не гоже в огонь посылать,
Неизбежно в Аду будут люди страдать.
Нужно царству Земли возвратить нашу власть
И не дать ему в море хаоса упасть».

Рать небесного бога готова к войне,
К очищению Мертвого Мира в огне,
Два воина славных, титанов потомки,
Отправились в адской пучины потемки.

Мерис дал им пройти через мост меж миров,
Но погреб их созданный Асурами ров.
В той трясине, где гибнут и люди и боги,
Братья пали, им биты до неба дороги.

А в час тот раздался злой смех во дворце,
Смеялся над павшими царь на крыльце.
Тонули несчастные в черной трясине,
Средь тьмы беспросветной, средь адской пучины.

Тех, что драться желали душою и телом,
Стража Ада без боя за миг одолела.
В Мидиане попали те воины в плен,
Не покинуть вовек мидианских им стен.

Мерис тоже невольно стал пленником Ада,
Ведь его ожидала с чертями засада:
Кайзер с Милвусом здесь поджидали врага,
Растерялся, узнав их, небесный слуга.

«Что убийцы-асуры из вас сотворили?
Что за темное дело они совершили?»
– Он у братьев по крови безмолвных спросил,
Для сражений у Мериса не было сил.

На колени упал, ужаснувшись, вскричал,
Он теперь своей смерти в Аду ожидал.
Вмиг схватили его, во дворец потащили,
Но не грянула смерть, черти кровь не пролили.

И доставили Мериса в зал к Сатане:
«Не убью я тебя, пригодишься ты мне,
– Молвил царь, отозвал свою чертову рать.
– Славный парень, не дам я тебе погибать».

Мерис взор свой поднял к королю Мидиана:
«Не ослышался я?» – Он спросил у тирана,
– Веры нет, что за так ты мне жизнь сохранил,
Ведь один я, кого не убил, а пленил,

Демон ты, у которого жалости нет!»
Сатана засмеялся и молвил в ответ:
«Ошибаешься, Мерис, ты жив не за так.
Ведь помочь можешь мне, это сущий пустяк...

Проводник меж миров, ты владыка тех врат,
Что усопших несут в мир бессмертных солдат,
В мир огня и меча, где кровавые реки!
Нету жизни спокойной здесь для человека.

Неужели ты хочешь, чтоб люди страдали?
Чтоб тонули в крови, чтоб в огне их сжигали?
Я их всех отпущу в Поднебесный Дворец,

И страданиям людским здесь наступит конец.

Будут жить средь богов, прекратится резня,
Но взамен ты откроешь врата для меня.
Мир далекий, забытый, куда нет пути,
Мне поможешь средь мрака ночного найти».

И задумался Мерис над тем предложеньем,
Может, мир он разрушит своим соглашеньем?
Или души усопших все стоят того -
Дать возможность добиться царю своего?

Вот узрел Сатана, что ответ его ясен,
Что на сделку ту темную Мерис согласен.
Царь дал Мерису карту из древних времен,
Где Гробница Веков средь высоких колон.

Мир, что карта сокрыла, могуч и удал,
Не проникнуть туда чрез асуров портал.
Нет дороги туда никому и никак,
Но для стража ключей это сущий пустяк.

Сатана взял свой шар, наложил злые чары:
Не пройдут к Адской крепости божьи удары.
Путь богам в Мидиан уж заказан навек,
В зла чертоги войти сможет лишь человек.

И отправились с Мерисом в древние дали,
Что титаны в наследство богам передали.
Этот мир был их тайной и храмом святым,
Кладом Стражей Земли, недоступным другим.

Только карта туда показать могла путь,
Где спокойно сокровища могут уснуть.
Там плывет черепаха во мраке пустом,
На спине ее храм, дремлет он вечным сном.

Но забыто то место, ведь карту украли
Те Асуры, что Лимб с мягкой почвой сровняли.
Лишь теперь Сатане пригодилась гробница,
Ведь без карты сюда никому не пробиться.

Идеальное место, где спрятать свой страх,
Свою смерть он упрячет в бессмертных стенах.
Жизни часть уложил во Всевластия Шар,
Не уьет его божий всевластный удар.

А великая мощь, что в кристалле сокрыта,
Была в жилы тирана, как кровь, перелита.

Засверкали глаза, Сатана засиял,
С новой силой родной мощным демоном стал.

Сжал кулак, окунув свое тело в огонь,
Мощь Земли положил он без страха в ладонь.
Нет у силы, что сможет его победить,
Нет клинка, чтоб чудовища сердце пронзить.

Безграничная сила по жилам течет,
От хаоса миры ничего не спасет.
Завершив злое дело, в пылающий Ад
Сатана и бог Мерис вернулись назад.

«Я условия сделки исполнил, король.
– Молвил Мерис и тотчас почувствовал боль.
Сатана же, мгновенно о сделке забыл,
Богу Мерису грудь кулаком раскроил.

«Обращайся же в прах!» – Засмеялся правитель.
– Не покинуть вовек людям Ада обитель!»
На последнем дыханьи бог Мерис сказал:
«Как я мог? Ну зачем я тебе помогал?

Здесь паду я бесславно, и кану во тьму,
Не помог в результате мой труд никому.
Только смерть и разруху он всем принесет...»
Царь ответил, смеясь: «Поднебесье падет.

Воспылает земля, и сгорят небеса,
Окропит целый мир с божьей крови роса.
Буду жечь и рубить, все живое, что есть,
Пусть волною накроет весь мир моя месть!

Будет вечно пылать мир в бессмертном пожаре!»
«Только я виноват, в том грядущем кошмаре... -
Все терзал себя Мерис, слезами сверкая,
– и помочь не смогу никому, умираю...

Я погиб, как предатель, и стыд мне, и срам.
Не достоин идти я к погибшим богам...»
Как покаялся Мерис в своих тех грехах,
Охладел он мгновенно, рассыпался в прах.

И увидел Гортор в Зеркалах Провиденья,
Как погиб проводник по тирана велению.
Он хранитель зеркал, страж покоя миров,
Верный делу сто лет не видал сладких снов.

Бог Небесного Царства, Коэлуса друг,

Видел в зеркале жизнь королей и их слуг,
Наблюдал целых царств и империй рожденье,
Лицезрел бег времен и Аида паденье.

Зеркала, что всевиденье дарят богам,
От которых не скрыться жестоким врагам,
Создал Спатий, пространством владычащий дух,
Он все слышит, всевидящий Спатия слух.

В зеркалах видел стражник, как Мерис погиб,
И услышал прощальный раскаянья всхлип.
Как рассыпался прах по земле Мидиана,
Разлетелся в Аду хриплый голос тирана:

«Время битвы последней и мы победим,
Поднебесное Царство с землею сравним!
Наша месть наконец в это время свершится,
Жажде крови своей мы дадим утолиться!»

Мир живых мы сотрем и отправим страдать,
Будет свита моя на войне пировать!
А они пусть горят в вечном пламени Ада,
Пусть все грянут сюда, новым душам мы рады!

Только душам людей к Мидиану есть путь,
После смерти назад их уже не вернуть,
Значит, люди одни нам опасны теперь,
Мы закроем богам до победы их дверь».

Долина Забвения

В Мидиане построился мертвый парад,
Как открылись врата, в мир живых грянул Ад.
Тучи демонов лились по миру рекой,
Оставляли лишь пепел они за собой.

Жгли дома и посевы, рубили людей,
Беспощадно в атаку шло войско чертей.
А король в тишине во дворце восседал,
Он в атаку бежать в мир живых не желал.

Без царя на престоле залятье падет,
На вершину победы Коэлус взойдет.
И наполнится армией божьей дворец,
Так наступит правленью асуров конец.

Пораженья боялся король Сатана,
Ведь вся жизнь для него – это месть и война.
Войско демонов мчалось по глади земной,
На штыках их распятый последний герой.

Люди в бой не спешили, лишь ринулся он,
Человек, что душою и телом силен.
Но повергнуть чудовищ навалу не мог,
И один их удар повалил его с ног.

Его тело пронзили кривые штыки,
Пал герой от асура костлявой руки,
Но глаза не закрыл и на свет не пошел,
Жизнь отдать не готовый покой не обрел.

Люди демонам темным не ровня в бою,
Но желал защитить воин землю свою.
Его тело, как туча, висит над землей,
Кропит кровью горящую почву герой.

А асуры героя добить не спешат,
Его болью враги наслаются стократ.
А, пока кровь течет по асурским штыкам,
Жгут деревню убийцы назло всем богам.

Только демон Фазар над героем стоит:
«Зря восстал, человек, нас никто не сразит,
Как Луне суждена над землей круговерть,
Обречен ты на муки, бесславную смерть».

Хлещет плетью героя жестокий Фазар,

Ждет, зубами скрипя, воин новый удар.
Но от боли не вскрикнет, все сдержит в себе,
Он с асуром смахнулся в безмолвной борьбе.

Насмеялся Фазар над бессильным врагом,
Но раздался в деревне неистовый гром.
Жар небесного гнева асура сразил,
Пал убийца мгновенно без жизни и сил.

Только пепел остался от Тьмы палача,
Разлеталась по миру зола горяча.
Ведь Коэлус увидел асуров напасть,
И не мог он позволить герою упасть.

Громовержец собрал пред грозой облака,
Сотни молний отправила бога рука.
Тех чудовищ разили они, словно стрелы,
Царь Коэлус отбил их атаку умело.

Свита темная в Ад возвратилась опять,
В гнев бога никто не хотел погибать,
Только львиная доля рассыпалась в прах,
Утонула их память в извечных песках.

Запечатал врата громовержца удар,
Вновь в ловушке асуры божественных чар.
Он в бою победил, но еще не в войне,
Ведь не вечно стоять громовой той стене.

И задумался бог как ему победить,
Как царю Сатане за всю кровь отомстить.
Он всемогущ теперь и бессмертен к тому,
Нет сил, чтоб сразить, ничем все ему.

Мошь Всевластия Шара себе он забрал,
Что у бога Аида однажды украл,
Свою слабость и страх в тот хрусталь он закрыл
И в забытой Гробнице Веков заточил.

А добраться к Гробнице лишь Мерис сумел,
Но погибнуть ему король Ада свелел.
Оборвал Сатана его жизненный путь,
Суждено было Мерису в пекле уснуть.

Думал долго Коэлус, что делать теперь,
Как закрыта богам межмировая дверь,
А в то время героя сгоревшей земли
В Поднебесный Дворец к облакам подняли.

Там Дефрод его встретил, чтоб душу сберечь,
Ведь Геральд не зря поднял на демона меч.
Штык асура отравлен, он тело пронзил,
Но удар, ранив душу, забвенье сулил.

Чтоб спасти человека от ржавчины Тьмы,
Что живое косила похуже чумы,
Бог Дефрод вырвал душу из тела оков,
Заточил ее в водный целебный покров.

А затем обратил душу воина в лед,
Чтоб лечила от Тьмы его магия вод.
Тьма застыла, во льдах не опасна она,
Защищают героя от мертвого сна.

А к Верховному Богу явился пророк,
Что поведал ему про Вселенной исток.
Он решенье проблемы великой нашел
И к царю поднебесному тут же пришел.

Мудрый Генос, провестник, Коэлусу богу
Показал к Колыбели Вселенной дорогу:
«Там живет тот кто вышел из темных глубин,
Он из древнего племени выжил один.

Он все видит, и знает, и сможет помочь,
Мы нагрянем к нему в полнолуния ночь.
Звезды путь нам укажут, найдем мы его,
Всех умнее тот Древний средь мира сего».

И Коэлус, и Генос готовы идти,
Но Камира вдруг встала у них на пути.
Ее жизнь только с правды святой состоит,
Ей о давних секретах узнать предстоит.

Возжелала отправиться с ними туда,
Где к началу Вселенной уходит вода,
Где последний свидетель рожденья планет.
Поразмыслил провестник и молвил в ответ:

«В те места ждет нелегкий и долгий нас путь,
И не будет возможным с дороги свернуть,
Жертву ждет там опасность на каждом шагу,
Той дороги желать не хочу и врагу».

Но Камира стояла скалой на своем:
«Все преграды мы точно поборем втроем».
По тернистой дороге шло трое богов,
Как спустился к земле звездной ночи покров.

Через леса да поля, стены призрачных гор,
Через реки-озера, пустынный простор
Поднебесные боги шли к старцу тому,
Что все знания мира подвластны ему.

Увенчался их поиск успехом великим,
Боги встретились с древним – мудрейшим Безликим.
И спросили они, как к Гробнице попасть.
«Над Вратами Миров лишь у Мериса власть,

Но увы он навеки теперь нежилец...
– Им ответил великий древнейший мудрец,
– Вам дорога в то место, где мертвые боги
Забывают до мира живого дороги,

Где их память и слава бессмертна и вечна,
Этот мир над мирами стоит бесконечно,
Путь туда всем умершим титанам-богам,
О Долине Забвенья поведаю вам.

После смерти под землю все люди идут
И великой Земле свою жизнь отдают,
А по смерти титана наверх ему путь,
Выше Неба и Солнца он должен уснуть.

Должен в дар предоставить святым небесам
Свою жизнь и отдаться прекраснейшим снам.
К той долине ведет лишь дорога одна,
Но для тех, кто не умер, стоит там стена.

Я же вас проведу, ведь мне смерть ни по чем,
Встретит стражник там нас со всеильным мечом.
Ему вечную жизнь Царь Небес даровал,
Но за это к вратам навсегда приковал».

И по Млечном Пути их Безликий провел
В мир иной, где бог Мерис покой свой обрел.
Только мудрому старцу пути все открыты,
Древних знаний носитель давно он забытых.

До Долины Забвенья пришли, наконец,
Обещанье сдержал свое старый мудрец.
У больших золотых врат встретил их Стелион,
Сын Звезды, страж Долины Забвения он.

«Не могу вас сейчас через врата переправить,
Не мертвы вы, но это возможно исправить!
– Поднебесных богов увидав, он сказал

И из ножен свой меч небожитель достал.

Вечно к бою готов и стоит на своем,
Он способен убить всех всеильным мечом.
А Коэлус и боги готовы к сраженью,
Только им не предать Стелиона забвенью.

Безликий старик бой их предотвратил,
И по просьбе его страж врата отворил.
Здесь открылась Долина Забвенья богам,
Дух умершего Мериса встретили там.

Но терзает вина и досада его:
Он друзей погубил, сам не зная того.
«О, простите меня, я помог Сатане,
И за то навека нет прощения мне!

Он теперь несразим и в руках его власть,
Все миры теперь могут, пылая, упасть».
А Коэлус лишь молвил: «мой друг, не казись,
То, что было, никак не вернуть, уж смирись.

Ты пал жертвой коварности Ада владыки,
Заплатил за то жизнью – ценою великой.
Твое пламя угасло, а с ним и секрет,
Где сокрыт его страх и надежды наш свет».

Тут Коэлус спросил, меж миров как пройти,
Чтоб победу себе в той войне принести,
Мерис дал ему ключ, чтоб врата отворить
И за брата Аида царю отомстить.

«В нем сокрыта древнейшая сила богов,
Что возможность дала кочевать меж миров.
Овладев тем ключом, эту силу храни,
Чтоб попасть в мир иной, лишь рукою взмахни.

По веленью хранителя дверь отворится
И позволит за ней куда хочешь пробиться.
Но к дворцу Сатаны все равно путь закрыт,
Мидиан от богов заклинаньем сокрыт.

Только людям дано в мир подземный попасть,
Ведь желал того тот, в чьих руках теперь власть.
Души мертвых трехглавые псы забирают
В мир огня, где асуры теперь обитают».

Проводник все что в царстве умерших узнал,
На одном издыханьи богам рассказал.

И поведал затем, где Гробница Веков,
Что хранит в своих стенах все тайны миров.

Но, братьям раскрыв тот великий секрет,
Он исчез, растворился его силуэт.
Знал Коэлус теперь, как ослабить врага,
Тут явился Аида погибший слуга.

Здесь он власти своей над теньями лишен,
По желанью Камиры пришел Гердеон.
А за ним и Аид, падший Лимба король,
Что над Царством Умерших утратил контроль.

Началась не с убийства Аида война,
А с того, как портал отворил Сатана.
Как на Лимбе явились асуры из врат,
Одолели как боги чудовищ-солдат.

С тех времен утекло много вод в небытье,
Но Аид не забыл про наследье свое.
Рассказал он Коэлусу давний секрет,
Где сокрыт меч святой, что хранит в себе свет.

Им когда-то поверг Лимба царь Сатану,
И сто лет содержал он асура в плену,
Но сменилась эпоха и сыграна роль,
Сброшен с трона навеки владыка-король.

Речь богов прерывать Гердеон не посмел,
Хоть на миг он увидеть Камиру хотел,
И, приблизившись к ней, он богиню обнял.
«Нас спасая, на Лимбе ты жизнь потерял,

Пал в Аду для меня и Дестона слепого,
Не увидишь теперь никогда жизни снова!»
– По погибшему богу она загрустила,
Гердеону на руку слезу уронила.

Он смотрел, улыбаясь, на грустную деву,
На святую всей правды земной королеву.
Гердеон лишь сказал на прощанье слова:
«Моя память не сгинет, пока ты жива,

Не грусти, сам избрал я свой путь в небеса,
И срубила меня черной смерти коса.
Я о том не жалею ничуть, что иссяк,
Ведь спасти вас от смерти я мог только так...»

Он был рад увидеть ее вновь, но пора,

Время им возвращаться в родные мира.
Силуэты исчезли, как тени в ночи,
Но пролили на тьму они света лучи.

Знал Коэлус теперь, как асуров сразить,
И за падшего брата врагам отомстить,
Но обратно вернуться им надо назад,
Чтоб не канул весь мир в тот пылающий Ад.

Нева и Гефай

В час войны между Адом и Царством Небес,
К древним силам горит у царей интерес,
Для борьбы с тьмой асуров небесный король
Возвратил в Поднебесье пространства контроль.

Бог Коэлус в покои Гефая призвал
И ключ от пространства ему даровал:
«Приемником Мериса станешь теперь,
Открыта тебе межмировая дверь».

Доверял царь Гефаю из давних времен,
Мудр советчик Коэлуса, добр и умен,
Верный друг и слуга был на все времена,
Нерушима их связь и крепка, как стена.

Был Гефай, сын Милона, с рождения слаб,
На пару с сестрой для отца, словно раб,
Испытывал сына жестокий Милон,
Хотел, чтоб он стал ловок, быстр и силен.

Только юный Гефай силы той не желал,
Он великие тайны миров познавал,
Звезд секреты, загадки минувших эпох!
В ремесле боевом безнадежно был плох.

А жестокий отец думал все о своем,
Мучил сына и месть получил поделом:
Чтоб себя и сестру от него сохранить,
Стал Гефай самолов для врага возводить.

Днем терпел униженья тирана-отца,
Ночью строил ловушку он в поте лица.
Яму рыл среди леса и в листьях скрывал,
Деревянную клетку над ней поднимал.

Как закончил свой труд, был к возмездью готов
И заставил Милона покинуть свой кров:
«Кто-то выкрал сестру, ночью в лес потащил!»
– В том титана Милона Гефай убедил.

И отправился деспот разгневанный в лес,
Дочь искал под покровом свинцовых небес.
Как задумано, там он в напасть угодил,
Где ночами Гефай реки пота пролил.

Механизм заработал, в лесу создал шум,

Побежден был титан, верх над силой взял ум,
Провалился под землю, травой покрыт,
Сверху вниз деревянная клетка летит.

Побежал, то услышав, Гефай за сестрой,
И в скитанье по миру взял Неву с собой.
Долго шли, чтоб подальше от дома сбежать,
Лишь свобода – одно, что могли пожелать.

Чрез поля до реки, по течению вниз,
До озер, где играл по утрам легкий бриз,
Двое шли, опасаясь вновь встретить отца,
В своем странствии только вперед без конца.

Но жестокий Милон оказался сильнее,
Он томился в тюрьме, проклиная детей,
Клетку бил кулаками и ночью и днем,
Только ярость хранил в темном сердце своем.

Крик неистовой силы сорвался из уст,
Он ударил опять и пошел эхом хруст.
Клетка натиск титана не в силах сдержать,
Наконец-то Милон смог темницу сломать.

Вылез с ямы, что рыл его сын девять дней,
Стал следы искать крови и плоти своей.
Нелюбимых детей чуял запах и страх,
Рисовалась дорога в Милона глазах.

Вскоре в омуте тихом, в далекой дали,
Где в забвении Нева с Гефаем жили,
Появился титан, их жестокий кошмар,
И отведал Гефай его гневный удар.

Он отправил Гефая в далекий тот край,
Где Фаронис бросался огнем невзначай,
Свое чадо к вершине горы приковал,
Так жестоко Гефая Милон наказал.

И томился Гефай на вершине годами,
Злые тучи хлестали его батогами,
Жар ста молний его непрерывно разил.
Там, на Мрачной горе, сын остался без сил.

Но на помощь ему появился Дион,
Друг Гефая, что был им когда-то спасен.
В аметистовом камне сто молний закрыл,
От железа Гефая он освободил.

Возвратившись домой, тот родных не встречал,
Лишь отца, что, на землю упав, крепко спал.
А страдальная Нева, познав вкус потерь,
Не желала и жить в этом мире теперь.

Убежала в ночи и направилась в лес,
Свой отравила зов до бессмертных небес:
«О, Великий Морфей, повелитель всех снов,
Царь прекрасной страны из далеких миров!

Явись мне в ночи, ниоткуда возникни,
Туманом пурпурным в сознание проникни,
Забери мою душу в мир снов навека,
Там меня не достанет Милона рука».

И явился тотчас ей правитель Морфей,
Его облик возник среди звездных огней.
«Не свершу твою гибель, твоя жизнь ценна,
В королевских делах мне сгодится она.

Я спасу от Милона, спокойно дам жить,
Но за это мне верно ты будешь служить,
Доправлять в мое царство уснувших людей
Будешь ты до конца своих жизненных дней».

Нева сделку Морфея решила принять,
Свое рабство на службу царю поменять.
И провел ее царь в синевы океан,
Даровал ей правитель пурпурный туман.

«Он из облака сонного был извлечен,
Кто вдохнет его – тут же погрузится в сон.
С ним ты сможешь отца навека усыпить,
Ведь иначе титана никак не убить».

Кроме этого дара он дал ей звезду:
«Ею спящие души с собой я веду».
Приняла этот дар сновидений творца
И, вернувшись домой, усыпила отца.

А затем Нева снова к Морфею ушла,
И отца усыпленного в небо взяла.
Его спящую душу манила звездой,
Как собака слепого, вела за собой.

Много лет пролетело, как птицы ключом,
Нева души манила тем звездным лучом,
А в то время титанов их дети повергли,
Безграничную силу в бою опровергли.

Всех потомков титанов Коэлус призвал
И в Небесном Дворце новый дом даровал.
Но узнал громовержца способность Гефай:
«Аметист у Диона украд?! Отвечай!»

Лишь подумал Гефай, дар царя увидав:
«Он Диона убил, его силу украв,
Чтоб подняться на трон, быть владыкой миров,
Силе дал он свободу от камня оков».

И представил Гефай, что Дион нежилец,
Что принес ему царь-громовержец конец,
Загорелся потомок титана, вскипел,
За спасителем-другом Гефай сожалел.

Но ответил Коэлус: «Не крал ничего,
Дар поднес мне Дион и должник я его,
Спас мне жизнь, тем победу богам подарил,
Я за подвиг великий его наградил.

Его лес под защитой божественных чар,
Чужаков нежеланных ждет молнии жар,
А Дион все трудится во благо богов,
Чудеса изучает далеких миров».

Услыхав то, расплылся в улыбке Гефай,
В Зеркалах Провиденья увидел тот край,
Где в достатке Дион продолжал долгий труд,
Изучая все множества мира причуд.

«Мне помог он спастись от гибели верной,
На вершине далекой, чужой горы скверной»
– И о жизни нелегкой Гефай рассказал,
«Наши судьбы похожи» – Коэлус признал.

А, узнав о разлуке с любимой сестрой,
О своих вспомнил братьях и крови родной.
Громовержец решил вдруг Гефаю помочь
И во сне встретил Неву, как грянула ночь.

Та явилась ему под покровом звезды,
Оставляя в сознании бога следы,
Забрала его душу в прекраснейший сон,
Пробудился владыка средь замка колон.

В ту прекрасную деву влюбился тотчас,
И решил, что надежды огонь не угас.
Знал, что сон неспроста его ум посетил,

Понял сразу: Морфей эту деву пленил.

Снов владыка из душ свои силы черпал,
Как прекрасные сны им в ночи даровал,
Как манил за собой, нес святую зарю.
Он давно во дворце не являлся царю.

Зов богини Коэлус прочел по глазам
И в пурпурную мглу в ночь направился сам.
Он к Морфею прибыл и потребовал Неву,
Чтоб прослыла по миру его королевой.

Согласился владыка ее отпустить,
Но потребовал цену за то уплатить:
«Из Ущелья Кошмаров сбежал мой слуга,
Это ужас и имя ему Мируга.

Он владычит над страхом людей и рождает
Те кошмары ночные, что дух поражают,
Тех, кто дерзок во снах оставаться всю ночь,
Прокормить Миругу мне желают помочь,

Я бросаю в Ущелье, где смерть их придет,
Ведь на дне пустоты дух голодный их ждет.
Он питается страхом людей и пылает,
Когда новые ужасы в души вселяет.

Приведи мне его и получишь жену,
Поспеши, ведь немало стоит на кону».
Засмеялся Морфей, растворился в тумане,
Как река, что все воды скрывает в лимане.

И свелел царь небесный оковы создать,
Чтоб любого на свете могли удержать.
Так небесный кузнец, имя Кирес ему,
Взялся делать с металла кошмару тюрьму.

А Коэлус отправил Гефая искать,
Сам же тоже не мог во дворце отдыхать:
Он взглянул из небес: где владычит испуг,
Мируга где посеял свой страшный недуг?

И, найдя свою цель, опустил за ней,
Встретил худший кошмар сновидений людей.
Миругу одолеть своей силой сумел,
И в оковы святые сковать захотел.

Дух призвал свой кошмар и владыке внедрил,
Бог упал на колени, как будто без сил.

Видел ужасы-сны, как горят небеса,
Как на травы упала из крови роса,

Видел смерти богов через темный туман,
Видел кровь, что струится из тысячи ран,
Мируга же в то время поднялся опять,
И желал у Коэлуса жизнь отобрать.

Но пронзающий крик короля пробудил,
В бой вмешался Гефай, богу жизнь сохранил.
Молний блеск – все, что видел кошмар Мируга,
Кандалы зазвенели, сковали врага.

Привели злого ужаса в царство Морфея,
Чтоб для Невы свободу менять на злодея.
Миругу вновь забросил король в темный ров,
Где кошмара окутывал мрачный покров.

Царь сдержал свое слово и Неву отдал,
Но звезду ей оставил, свой дар не забрал.
Горсть тумана ей дал, быть позволил владыкой
Снов людей и носителем силы великой.

Стала самой прекрасной и светлой порой
Долгожданная встреча Гефая с сестрой,
Отстрадали свое за былые года,
Но теперь снова вместе они навсегда.

Дочь Милона Коэлус позвал к алтарю,
Без прекрасной жены жить не гоже царю,
А Гефай стал Коэлусу верным слугой,
Стал советником бога и правой рукой.

Много лет пролетело дыханьем ветров,
Перемены пришли с поколеньем богов,
И, когда час пришел стать владыкой ключей,
Согласился Гефай, стал духовно прочней.

История Молотоборца

Гордость Вигиса в мире не знала границ:
Его сын повергал всех и сбрасывал ниц,
Лапион среди войска сильнейшим прослыл,
Не способен умерить никто его пыл.

Мог повергнуть любого, кто встал на пути,
Сквозь огонь и сквозь воду – везде мог пройти.
Его тело, как сталь, еще крепче душа,
Он шагал лишь вперед, на пути все круша.

Но влюбился боец и пропал его жар,
Для Мифаи размяк, стал слабее удар.
А прекрасная дева несла собой свет,
Коим каждый вокруг был, как солнцем, согрет.

Дочь Декара воспитана благу служить,
В мире с миром великим прекрасным прожить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.